

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Т. А. Агапкина

О НЕКОТОРЫХ МАГИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ В МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН

Одним из наиболее интересных аспектов комплексного изучения народного искусства является вопрос о ритуальных и символических функциях пения, танцев, хороводного движения и т. д. Постепенно собираются материалы, свидетельствующие о том, что у славянских народов эти формы народного искусства имеют разнообразные связи с ритуально-магической практикой и верованиями. В нашей заметке речь пойдет об определенных масленичных ритуалах (в том числе танцах и хороводах), направленных на обеспечение ускоренного роста ряда культурных растений: повсеместно — льна и конопли, а в некоторых местах также и хлопка, овса, картофеля, корнеплодов, мака и др. В основе этих действий лежат различные виды организованного движения: танец, катание в санях или с гор, качание на качелях, а также хоровод или обрядовая процесия.

Наиболее известны масленичные танцы, распространенные на всем западе славянского этноязыкового континуума: у лужичан, поляков, западных украинцев, чехов, словаков, мораван, а также хорватов и словенцев. В Польше эти танцы исполнялись главным образом женщинами (хозяйками, старухами, старыми девами), иногда — женатыми мужчинами. Танцевали обычно в доме, на улице, а чаще всего — в корчме под различные мелодии: польку, чардаш, коломыйки и т. п.¹ Это гуляние называлось *tańcować, hulać na koporie*.² Танцы на коноплю, овес и т. п. часто закреплялись за разными группами исполнителей: так, на овес и пшеницу танцевали почти всегда мужчины, на лен и коноплю — женщины;³ в этом отношении могли различаться между собой и отдельные дни масленичной недели: например, в Кошалинском воеводстве в воскресенье танцевали на хлеб, в понедельник — на картофель, во вторник — на лен.⁴

У чехов, словаков и мораван аналогичные танцы также исполнялись ради урожая льна, конопли (*na dlouhý len, na koporí*) или, например, «aby belo hodně jablóšek a bel vyseké voves».⁵ Чехам и мораванам — в отличие от других славян — были известны даже специальные танцы *koporská* и *koporce*,⁶ исполнявшиеся именно на масленицу, а также обычай танцевать в одежде из конопли или вокруг специально приготовленного снопика конопли.⁷ Кроме танцев, у западных славян практиковались также прыжки на пол с лавок, столов или печей, перепрыгивание колоды, подскоки к потолку и

подобные действия,⁸ ср¹⁰ польск. *skakać na konopie do góry*,⁹ чеш. *skákané na hrubé dyně*.

У чехов и словаков танцы нередко являлись частью обхода ряженых на масленицу, а у хорватов и особенно словенцев вне этих обходов фактически не исполнялись. В Хорватии и Словении ряженые — муж с женой, кум с кумой, жених с невестой и т. п. — танцевали в доме или во дворе одни или вместе с хозяевами ради урожая корнеплодов, главным образом репы (*da bu repa debela*¹¹).

Повсеместно у славян были известны многочисленные рекомендации, касающиеся отдельных моментов масленичных танцев и гуляний, например требование обязательного участия в них хозяек. Кроме того, во время танцев на лен и коноплю необходимо было высоко поднимать ноги или подпрыгивать, чтобы посевы были высокими; при этом у чехов запрещалось сильно топать ногами, чтобы не полегла конопля.¹² В Польше особое значение придавали интенсивности масленичного веселья: гулять, танцевать, веселиться и пить надо было до изнеможения. Считалось, что именно это обеспечит в будущем обильные урожаи. Так, на Подгалье в этом случае говорили: «...roćstu tońcyc coby pom len röst... Trza tończyć weselo, fest...»¹³ У словенцев во время танцев рекомендовалось различными способами имитировать размеры, толщину и крепость репы: широко расставлять ноги, делать большие шаги, вертеться вокруг себя, описывать палкой в воздухе или на земле большие круги, топать ногами и т. п.¹⁴ Естественно поэтому, что неурожай тех или иных культур нередко связывался с нарушением соответствующих рекомендаций. Так, у поляков неурожай конопли объясняли тем, что «gospodyn w zapusty nie hulała lub kiepsko hulała»,¹⁵ у словенцев тем, что хозяйка не участвовала в танцах, ряженые почему-либо обошли дом или же хозяева плохо отблагодарили их за танец.¹⁶

Танцы могли сопровождаться короткими припевками типа «Aby boli velké konope Chlopcom na gate»,¹⁷ «Stara babo, stary chlopie, Hulaj dzisioj na kunopię»¹⁸ или «Tu za gera, tu za ljen, tu za masno zelje»¹⁹ у хорватов и словенцев ряженые адресовали хозяевам соответствующие благопожелания, ср.: «Da Bog dâ da bi vam tako velika gera narasla».²⁰

Катание с гор или в санях как магическое действие было широко известно на Русском Севере, в центрально-русских областях, а также в Верхнем и Среднем Поволжье.²¹ Кроме того, магические функции иногда придавались ему на юге России,²² у белорусов, а также у западных славян и словенцев.

В России катание с гор или в санях связывалось исключительно со льном: катались главным образом «на долгий лен», полагая, что кто дальше проедет, у того лен будет длиннее (иногда — мягче, лучше и т. п.). Участвовали в катании только женщины: хозяйки, старухи, девушки, лучшие пряхи. Перед масленицей для этого устраивали специальные горы и готовили сани без оглоблей, «лодки», скамьи и т. п. Широко практиковалось также катание на донцах прядлок. В Витебской губ., например, считалось, что «женки должны проехать с горы на пряслице: чем длиннее будет такой проезд, тем длиннейший родится лен. Если же она упадет, то лен не будет ею убран».²³ Катание в санях, запряженных лошадьми, прес-

ледовало, как правило, те же цели, ср.: «В масленицу были „катища“, катались с гор и на лошадях. Первыми запрягали лошадь и садились в дровни бабы. Сколько долго они проедут, столь долг будет лен».²⁴

На Мазурах для обеспечения урожая льна также рекомендовалось на масленицу *ježdžić saniami*.²⁵ В ряде районов Словении масленичное катание на лыжах — согласно народным представлениям — должно было обеспечить в будущем богатый урожай гречихи, льна, репы и других культур.²⁶

Ритуальное качание на качелях было известно — в интересующей нас функции — только восточным и южным славянам. В отличие от обрядовых танцев и катаний, оно далеко не столь последовательно закреплялось именно за масленицей и могло быть приурочено также ко дню Сорока мучеников, Благовещению, Вербному воскресению, Юрьеву дню и другим праздникам, а также к целым календарным периодам. При этом качание на качелях, привязанных обычно к дереву, для здоровья и благополучия совершалось почти повсеместно. У сербов, македонцев и болгар нередко качались ради урожая конопли.²⁷ В Гевгелийском округе Македонии, например, перед Юрьевым днем молодежь привязывала к зеленому дереву качели, на которых все качались по очереди и пели песни со специальным «качельным» припевом «љуљајее...»; старики же при этом говорили: «Да са зальульум, да ми бубакј пuke» ‘Покачаюсь, чтобы у меня скорее созрел хлопок’.²⁸

В отдельных восточно- и южнославянских традициях рост культурных растений связывался иногда с движением весеннего хоровода или обрядовой процессии. На Брянщине считалось, например, что движение хоровода на масленицу или во время обряда вождения «сулы» на Пасху или Вознесение должно обеспечить урожай льна, ср. следующее описание: «Сулá приходíла на дру́гий день Пásхи; зá руки поберúтся и бегúт ў сулý, штоб лен был хоро́ший. Брáлися зá руки и бéгали ў полотнó, всim селóм из конца в конéц».²⁹ У словенцев аналогичное значение придавалось процессии, обходящей поля в день апостола Марка (25 апреля по ст. ст.). Во время движения этой процессии надо было окучивать огурцы и сажать фасоль; считалось, что это обеспечит хороший урожай фасоли, а огурцы вырастут такими же длинными, как процессия.³⁰ Во время сербских обходов кралиц на Духов день их участницы, играя около домов хозяев, должны были постоянно двигаться, ибо в противном случае мог замедлиться или остановиться рост посевов этой семьи.³¹ У болгар, македонцев и сербов вождение масленичного хоровода (коло, хоро) также достаточно последовательно связывалось с ростом и урожаем конопли.³² Так, в районе Тырново на масленицу молодежь собиралась на ближайших к селу возвышенностях, где исполняла специальные весенние песни, призванные обеспечить «пробуждение» природы, растительности, способствовать всходу посевов и т. п.; после этого там же исполнялось масленичное хоро, во время которого следовало особым образом приседать и подпрыгивать, чтобы хорошо взошел и расцвел хлопок.³³

С подобной же целью — способствовать росту культурных растений — в разных славянских традициях могли совершаться на масленицу и некоторые другие действия, например перепрыгивание

через колоду; пускание зажженных стрел, называемых «оруглицы»,³⁴ и др. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что те же действия — танец, прыжки, катания — могут осмысляться подобным же образом вне зависимости от времени и обстоятельств их исполнения. Так, например, известно, что в Новоград-Волынском у. Волынской губ. замужние женщины, начиная танец, приговаривали про себя: «*Chodím, necháj i nasza kapusta zawiązecia lub zowjescia*».³⁵ При перепрыгивании через купальский костер девушки в Словакии кричали: «*Naše kopore sú največší*»³⁶ Не менее известны также обычай подпрыгивать при сажании хлеба в печь, совершать длительные поездки после посева льна и конопли, танцевать во время посадки овощей и т. п.

Можно отметить, таким образом, что при всем разнообразии видов магического движения, о которых выше шла речь, каждая из славянских традиций тяготеет к выбору какой-либо одной его формы. Наибольшей устойчивостью отличаются танцы западных и южных славян, а также катание с гор у русских. Естественно при этом, что все эти действия могут совершаться и сами по себе, вне связи с интересующими нас функциями (как, например, катание с гор или на качелях).

Каждое из названных действий — будь то танец или хоровод, — с одной стороны, формирует весьма своеобразный и на первый взгляд вполне самостоятельный фрагмент масленичной обрядности определенной локальной традиции, а с другой — тяготеет к входению в контекст этой традиции, ищет точки соприкосновения с другими ее эпизодами и деталями. Как известно, в обширном кругу славянской масленичной обрядности особое место занимают действия производящего типа, связанные как с аграрным и скотоводческим, так и свадебно-брачным комплексом. Укажем хотя бы на традиционные обрядовые обходы с' плугом, символическую пахоту и сев, ритуальные игры с участием зооморфных масок, специфические танцы типа *žabský*, изображающие спаривание лягушек, эротическую кукерскую обрядность, ритуальную критику молодых людей и девушек, не вступивших в брак в прошедшем году, чествование молодоженов и др. Описанные в нашей заметке магические действия самым естественным образом согласуются с этим символическим аспектом масленичной обрядности. Производящая семантика танцев, прыжков и т. п. в обрядах масленицы косвенно подтверждается и тем, например, что в ряде славянских традиций эти действия совершаются также и для того, чтобы обеспечить приплод скота, домашней птицы и т. п.;³⁷ у поляков молодые девушки, не вышедшие еще замуж, волокли по селу колоду, через которую накануне прыгали «на лен и коноплю» замужние женщины.³⁸

Кроме этого, связь рассмотренных здесь магических приемов с масленичным контекстом в той или иной традиции может быть более мотивированной (главным образом, в частностях). Как уже отмечалось, у хорватов и словенцев все названные действия совершаются преимущественно ради урожая репы. Это, по-видимому, связано с тем, что в словенской масленице репе вообще отводится большое место. Назовем хотя бы символическую пахоту ряженых, когда они, вспахав борозду в снегу, сеют семена репы и желают

хозяйке, чтобы у нее репа выросла, как тыква, а хозяйка, в свою очередь, одаривает их репой. Можно упомянуть также о масленичных гаданиях с семенами репы: девушка насыпает их под постель на ночь, после чего ей должен присниться жених, который возит репу; если гадает парень, то ему приснится девушка, которая вяжет или плетет репу.³⁹

В начале уже упоминалось о том, что изложенные в нашей заметке материалы при определенном взгляде на проблему вполне закономерно включаются в более широкий этнографический контекст, касающийся такой малоисследованной сферы, как прагматика отдельных форм народного искусства. Перспективным поэтому представляется не только дальнейшее изучение функционирования танцев и хороводов, но и таких специфических форм, как, например, обрядовое пение, обладающее ярко выраженной апотропейской и производящей функцией, а также широко использующееся в народной медицине, в обрядах хозяйственного цикла и т. п.

¹ Kwaśniewicz K. Zwyczaje i obrzędy doroczne // Etnografia polska. 1984. R. 28/1. S. 175.

² Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław-Poznań, 1962. T. 5: Krakowskie. Cz. 1. S. 257, 270.

³ Gustawicz B. Podania, przesady, gadki i nazwy w dziedzinie przyrody. Cz. 2 // ZWAK. 1882. T. 6. S. 238.

⁴ Skłodowska-Antonowicz K. Zwyczaje i obrzędy doroczne w pow. Złotowskim // Lud. 1965. T. 49. S. 411.

⁵ Tomeš J. České a slovenské masopustní obyčeje a jejich mezinárodní obměny // Masopustní tradice. Brno, 1979. S. 38.

⁶ Ibid.

⁷ Václavský A. Vyroční obyčeje a lidové umění. Praha, 1959. S. 86.

⁸ Horehronie. Bratislava, 1974. S. 282.

⁹ Kwaśniewiczová K. Polské lidové masopustní obyčeje // Masopustní tradice. Brno, 1979. S. 121.

¹⁰ Václavský A. Op. cit. S. 75.

¹¹ Rajković Z. Narodni običaji okolice Donje Stubice // Narodna umjetnost. 1973. Knj. 10. S. 195.

¹² Tomeš J. Masopustní, jarní a letní obyčeje na moravském Valašsku. Strážnice, 1972. S. 41.

¹³ Kwaśniewiczová K. Op. cit. S. 120.

¹⁴ Heroldová I. Godišnji običaji Daruvarskih Čeha // Narodna umjetnost. 1971. Knj. 8. S. 226; Kuret N. Praznično leto Slovencev. D. 1. Celje, 1965. S. 34.

¹⁵ Świątek J. Lud Nadräbski. Kraków, 1893. S. 102.

¹⁶ Kuret N. Op. cit. S. 37, 54.

¹⁷ Ondrejka K. Rytický pohyb ako zložka zvykoslovia a ľudových slávností // Slovenský národopis. 1969. R. 17/I. S. 101.

¹⁸ Karczmarzewski A. Obrzędy i zwyczaje doroczne wsi Rzeszowskiej. Rzeszów, 1972. S. 49.

¹⁹ Benc-Bošković K. Neki pokladni običaj i drvene maske u Međimurju // Narodna umjetnost. 1962. Knj. 1. S. 83.

²⁰ Bonifačić Rožin N. Folklorno kazalište u Južnom dijelu Hrvatskog Zagorja // Narodna umjetnost. 1973. Knj. 10. S. 234.

²¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 43—44.

²² Ср., напр.: Дикарев М. Народний календар Валуйського повіту (Борисівської волости) у Вороніжчині // МУРЕ. Львів, 1905. Т. 6. С. 163.

²³ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 238, № 1873.

²⁴ ИРЛИ, кол. 241, п. 3, № 100.

²⁵ Wiśla. 1892. Т. 6, z. 3. S. 649; Szyfer A. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Olsztyn, 1968. S. 49.

²⁶ Kuret N. Op. cit. S. 57.

²⁷ Ср., например: Капанци. София, 1985. С. 225.

²⁸ Тановић С. Српски народни обичаји у ћевићијској Кази // Српски етнографски зборник. 1927. Књ. 40. С. 68—70.

²⁹ ПА-1982, Челхов Климоновского р-на Брянской обл., зап. Л. М. Ильиной.

³⁰ Kuret N. Op. cit. S. 292.

³¹ Zečević SL Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973. S. 115.

³² Ср., например: Мијатовић С. Обичаји српског народа из Левача и

Темнића // Српски етнографски зборник. 1907. Књ. 7. С. 156; Константинов П. Разни обичаи през годината от Ах-Челебийско // СбНУ. 1896. Т. 13. С. 22.
33 СбНУ. 1896. Т. 13. С. 246.
34 Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 367 (СбНУ, т. 28).
35 Rokossowska Z. O świecie roś-

linnym // ZWAK. 1889. Т. 13. S. 172.

³⁶ Ondrejka K. Op. cit. S. 105.

³⁷ Kuret N. Op. cit. S. 37, 66.

³⁸ Karczmarzewski A. Op. cit. S. 45; Frankowski E. Kalendarz obrzędowy ludu polskiego // Biblioteka regionalna. Warszawa, 1928. Т. 2. S. 35.

³⁹ Kuret N. Op. cit. S. 17, 29.